

Исторические портреты. МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ СКОБЕЛЕВ

Автор: В. М. МУХАНОВ

Муханов Вадим Михайлович - аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

В 2003 г. исполнилось 160 лет со дня рождения почти забытого в советское время героя русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. и среднеазиатских походов генерала М. Д. Скобелева. За пристрастие к белым кителям и лошадям его называли "белым генералом".

Родоначальником этой фамилии считается простой сержант Никита Скобелев - прадед "белого генерала". По одним данным, Скобелевы являются представителями старинного дворянского рода, лишенного своих прав Петром I за то, что старший в семье сам и как представитель рода отказался следовать нововведениям, не захотев отдавать на службу своих близких и посылать их в светские школы. Поэтому род и был переведен в однодворцы¹. По другой версии, предки Скобелева были выходцами из простого крестьянского рода. Это доказывалось тем, что Никита Скобелев, крестьянин Симбирской губернии только тогда стал помещиком-однодворцем, когда дослужился до сержантского чина, который как раз и давал право стать таким помещиком².

По третьей версии, эта семья происходила из шотландских эмигрантов, переселившихся в Россию под фамилией Скобей. О ней писал английский журналист Морлей в журнале "The Fortnightly Review", ссылаясь на русского посланника в Бухаресте барона Стюарта. В статье Морлея под названием "Русский Баярд" говорилось, что Михаил Дмитриевич и не отрицал иноземного происхождения своего прадеда. В доказательство этому приводилось то, что прабабка "белого генерала" Т. М. Корева принадлежала к известной дворянской фамилии Калужской губернии, и традиции не допустили б ее брака с простолюдином, а к браку с иностранцами в тот период относились без предубеждения. С этой версией был согласен биограф Скобелева М. И. Полянский. "Мои личные розыски в архивах о родословии Скобелевых, - писал он, - лишь подтвердили указания Морлея, т. к. Иван Никитич (дед Михаила Дмитриевича. - В. М.) при поступлении его на службу вольноопределяющимся в 1793 г., в Первый Оренбургский полевой батальон, что ныне 66-й пехотный Бутырский полк, записан по формуляру без обозначения происхождения, что делалось только с иностранцами и их детьми"³.

Дед М. Д. Скобелева, Иван Никитич, был сподвижником Кутузова, Кульнева, Каменского и Милорадовича. Он прошел долгий путь от рядового до генерала от инфантерии и коменданта Петропавловской крепости, приняв участие во всех знаменитых сражениях начала XIX века, начиная от Прей-

стр. 57

сиш-Эйлау и Фридланда и кончая штурмом Парижа⁴. Одно время его карьера

оказалась под угрозой. Лишившись поста генерал-полицмейстера 1-й армии, Иван Никитич упал духом и, чтобы поправить свою репутацию, занялся доносами на некоторых лиц, например, "ябедничал" Бенкендорфу на Балашова, обвиняя последнего в парламентаризме и в сочувствии английским порядкам, а также предлагал с "вертопраха" Пушкина за его "мысли о свободе содрать несколько кусочков шкуры". Известен он был также и своими мастерскими рассказами из солдатской и народной жизни, которые писал под псевдонимом "русский инвалид", имевшие в свое время большой успех. Один из них - "Кремнев, русский солдат" даже поставили на сцене Мариинского театра в Петербурге⁵.

Следующего представителя этой фамилии, генерал-лейтенанта Д. И. Скобелева (отца Михаила Дмитриевича), Александр II очень метко называл "отцом знаменитого сына и сыном знаменитого отца". К этому можно добавить, что Дмитрий Иванович был очень богат и скуп, что позволило ему перед смертью передать сыну миллионы рублей и 40 тысяч десятин земли в разных губерниях.

Трагична судьба жены Дмитрия Ивановича - матери Михаила Дмитриевича, Ольги Николаевны Скобелевой, урожденной Полтавцевой. Она посвятила себя делу помощи больным и раненым, став в конце 1870-х годов во главе Болгарского отдела Красного Креста, но в 1880 г., во время очередной поездки по Болгарии, была зверски убита бандой разбойников, возглавленных поручиком Узатисом, бывшим адъютантом своего сына.

Будущий полководец родился в Петербурге 17 сентября (по стар, стилю) 1843 г. почти в полночь в доме коменданта Петропавловской крепости, своего деда Ивана Никитича. В метрической книге собора Петропавловской крепости за 1843 г., под N 15 записано: "Родился 17 сентября, крещен 14 октября 1843 г. Михаил у поручика Кавалергардского Ея Величества полка Дмитрия Ивановича Скобелева и законной жены его Ольги Николаевны, оба первообрачные и православные... Восприемниками были: комендант Петропавловской крепости генерал-от-инфантерии Иван Никитич Скобелев и жена адъютанта Государя Наследника Цесаревича штабс-капитана Александра Владимировича Адлерберга - Екатерина Николаевна... Таинство крещения совершили ключарь собора свящ. Григорий Алексеевич Добротворский с дьячком Стефаном Петровичем Мысловским"⁶.

О детстве Михаила Дмитриевича имеется крайне мало сведений. Известно, что он был красивым мальчиком, "с быстрым взглядом, золотистыми волосами и нежным цветом лица. Характера был нервного, впечатлительного и подвижного". Вначале воспитанием маленького Миши занимался дед и друг семьи, уже известный читателю ключарь Петропавловского собора Григорий Добротворский. Но Иван Никитич Скобелев умер, когда внуку было всего 6 лет, и мальчик остался без любимого воспитателя. Некоторое время им занималась мать, которая научила его читать и привила ему с детства любовь к поэзии, а Байрон и Шиллер стали любимыми поэтами будущего генерала.

Через некоторое время отец решил найти сыну воспитателя и остановился на немецком гувернере Канице. Но немец оказался весьма жестоким человеком и за невыученные уроки даже бил мальчика прутом. Естественно, что между Мишей и его учителем началась "страшная война", и он стал постоянно придумывать мелкие "подлости", дабы досадить злему преподавателю. Миша знал, что по выходным его

мучитель ходит к какой-то знакомой даме, поэтому взял ваксу, намазал ею ручку той двери, через которую всегда выходил немец, и удалился. Само собой, что когда Каниц в парадной одежде с белоснежными перчатками открывал дверь, его перчатки оказались перепачканными. А за этим, конечно же, с наслаждением и радостью наблюдал будущий полководец⁷.

Затем, когда семья Скобелевых приехала в свое родовое имение Спасское в Рязанской губернии, произошел еще один конфликт между Мишей и

стр. 58

его гувернером, который положил конец "воспитательному процессу". В то время юному Скобелеву было 12 лет, и он влюбился в соседскую девочку примерно его же возраста, с которой часто катался верхом. Однажды в ее присутствии гувернер грубо выбранил мальчика, тот, естественно, ответил, за что получил от Каница пощечину. Миша это не стерпел, плюнул своему мучителю в лицо и вернул пощечину. Немец пошел жаловаться, но Дмитрий Иванович понял, что такая система воспитания не годится для его сына, и выгнал Каница⁸. После этого инцидента Ольга Николаевна увезла сына в Париж и там отдала его в популярный тогда пансион Дезидерия Жирарде. Выбор воспитателя на этот раз оказался на редкость удачным: французский педагог сильно привязался к Михаилу, стал его преданным опекуном и другом, часто сопровождал даже в военных походах в Туркестане, в Ахал-Теке, и, наконец, проводил его тело в могилу⁹.

Учеба во французском пансионе дала Михаилу отличное общее образование: он прошел там почти целый лицейский курс. Основными учебными дисциплинами были языки и изящные искусства. Музыки и танцев Миша стыдился и считал, что надо заниматься рисованием. Не интересовался он и театром, но зато обожал литературу. "Из русских поэтов любил одного Лермонтова, а из иностранных - Гете, Байрона и Гюго, из которых заучивал тирады, напоминавшие ему Лермонтова, и вообще любил стихи воинственные и громкие. В школе, как и в академии (генштаба. - В. М.) он был совершенно равнодушен ко всем наукам, которые не имели непосредственного отношения к военному делу. Так, например, он упорно отказывался изучать латынь, пока его не заставили заниматься этим языком вместе с другим (Араповым) молодым человеком, который грозил обогнать его в занятиях"¹⁰.

Влияние Жирарде на Скобелева было очень благотворным и заложило основы высокой культуры. Впоследствии Михаил Дмитриевич говорил, что Жирарде воспитал в нем религию долга¹¹. Именно в пансионе Жирарде он выучил иностранные языки, очень пригодившиеся ему в дальнейшем ("белый генерал" прекрасно владел французским, немецким и английским языками). Сам Скобелев не раз говорил: "Каждый обогатившийся знанием языков столько раз становится культурным человеком, сколько ему удалось изучить языков". Оценила педагогическую деятельность француза и мать Михаила: "... нашему старому другу мы обязаны, что Миша стал сдерживать свою пылкую натуру ... m-г Жирарде ... развил в нем честные инстинкты и вывел его на дорогу". Тем самым Ольга Николаевна признала заслугу француза в смягчении беспокойного и несдержанного характера своего сына¹². Влиянием Жирарде можно в значительной мере объяснить

дальнейшую неизменную приверженность Скобелева к французской культуре и его франкофильские настроения, сыгравшие позже большую роль в формировании его политических взглядов и выступлений. Гувернер-немец же мог привить только нелюбовь и ненависть к Германии и немцам; германофобство оказало значительное влияние на жизнь генерала.

Летом 1858 г. 15-летний Михаил вернулся из Франции в Россию. Встал вопрос о дальнейшей судьбе юноши. Ольга Николаевна и приехавший из Парижа сам Дезидерий Жирарде считали, что он должен продолжить образование на более высоком уровне, то есть поступить в университет. Был выбран математический факультет Петербургского университета. Начались поиски опытного репетитора, в результате которых по совету академика А. В. Никитенко был избран популярный тогда преподаватель Л. Н. Модзалевский, отец пушкиниста Б. Л. Модзалевского и автор известной всем учащимся фразы "Кончил дело - гуляй смело". Занятия велись интенсивно - с середины 1858 г. по май 1860 г. А для проверки полученных знаний 21 мая был проведен даже "предварительный" экзамен в присутствии университетских профессоров на квартире графа Адлерберга, сын которого также готовился к поступлению. Это испытание Скобелев прошел блестяще¹³.

В 1861 г. Скобелев был принят в число своекоштных студентов на 1-й курс математического факультета университета. Вот как об этом вспоминал

стр. 59

знаменитый юрист А. Ф. Кони: "26 мая мне оставалось выдержать экзамены у немца и француза. На них я шел ... спокойно. Толпа экзаменующихся в этот последний день была особенно оживлена. Из нее вышел ко мне молодой стройный человек высокого роста с едва пробившейся пушистой бородкой, холодными глазами стального цвета и коротко остриженной головой. На нем, по моде того времени, были широчайшие серые брюки, длинный белый жилет и черный однобортный сюртук, а на шее, тоже по моде того времени, был повязан узенький черный галстук с вышитыми на концах цветочками. Манеры его были изысканно вежливы и обличали хорошее воспитание, которое впрочем в то время не было редкостью. "Извините - сказал он мне - я знаю, что вы отличный знаток математики, а у меня - и он слегка покраснел - вот какая беда: я не приготовил двух последних билетов из тригонометрии, да и вообще слаб по этой части и сам себе помочь не могу. Не можете ли вы объяснить их? ..." Я с удовольствием согласился; мы сели в сторонке за край большого стола, и я "преподал" моему неожиданному ученику 2 тревоживших его билета, повторил свое объяснение и предложил ему попробовать мне ответить. Ответ обличил его чрезвычайную понятливость, и я сказал ему: - теперь идите и берите тотчас билет, на полчаса вы заряжены, а там пожалуй позабудете. - Мы расстались, и я пошел к своим иностранцам. Когда я вышел от последнего из них в комнату перед аудиторией, где происходил экзамен, из двери другой аудитории вышел мой незнакомец. Его красивое лицо было радостно взволновано. Он быстро подошел ко мне и, протягивая обе руки для крепкого рукопожатия, воскликнул: Представьте! Последний билет! Последний!! И - весьма удовлетворительно! Как я вам благодарен! Мы конечно будем встречаться. Вы ведь, без сомнения, юрист? - Нет, я иду на математический факультет по чисто математическому разряду. - Но, все-таки, мы будем встречаться.

Неправда ли? - Конечно, отвечал я. Но какая-то странная застенчивость помешала мне спросить его фамилию. Встретаться нам однако в университетском коридоре не пришлось. Осенью университет был закрыт на 2 года, и я, после бесплодных занятий математикой на дому в течение года, перешел на 2-й курс юридического факультета Московского университета". Фамилию своего "ученика" Кони узнал совершенно случайно спустя почти двадцать лет, в конце 1870-х годов. Однажды этот юрист, придя на встречу со своей знакомой, увидел ее разговаривающей с "молодым еще красивым и стройным генерал-адъютантом с Георгием на шее". Они поздоровались, и неизвестный генерал вскоре "встал и собрался уходить. "А вы давно знакомы с Михаилом Дмитриевичем?" - спросила меня хозяйка (эта дама владела гостиницей, где и произошла данная встреча. - *В. М.*). Тут только, услышав это имя и отчество, я понял, что вижу перед собой Скобелева, которого, судя по весьма популярным карточкам и портретам, я рисовал себе плечистым, полным и меньшего роста. "Я в первый раз имею честь встречаться с Михаилом Дмитриевичем". - "Будто бы в первый? сказал Скобелев, улыбувшись и - на мой недоумевающий взгляд - прибавил: а помните экзамен из тригонометрии в университет? ... ведь это был я!"¹⁴.

Однако проучиться молодому Скобелеву в университете долго не пришлось, и дело было не в неуравновешенном характере студента или его плохой успеваемости, а в том, что в конце того же 1861 г. начались массовые студенческие волнения и было принято решение о временном закрытии Петербургского университета на пару лет. Ждать столько он не собирался: 22 ноября 1861 г. он поступает вольноопределяющимся в Кавалергардский полк. Это стало переломным моментом во всей его жизни. С тех пор и до самой смерти он уже не мог мыслить свою жизнь без русской армии.

19 декабря 1861 г. Михаил становится юнкером того же полка, 8 сентября 1862 г. - портупей-юнкером, а уже 31 марта 1863 г. - корнетом¹⁵. Примерно через год он отправляется в качестве ординарца генерал-адъютанта графа Баранова в Варшаву и решает там остаться. 19 марта 1864 г. по своему прошению Скобелев переводится в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, расквартированный как раз в столице Царства Польского. Кроме упомянуто-

стр. 60

го прошения имеется еще один документ, помещенный С. А. Панчулидзевым в его книге об истории кавалергардов и извлеченный им из полкового архива, который подтверждает большое желание Михаила Дмитриевича перевестись: "Свидетельство. Кавалергардского полка корнет Скобелев, вследствие неоднократного падения с лошади и ушибов, полученных от нее в грудь, часто чувствует тупую боль в груди; при ношении же кирасы всякий раз боль эта усиливается; а потому я нахожу необходимым для него, по крайней мере, на несколько лет, переменить род службы и поступить в легкую кавалерию. В удостоверение чего свидетельствую 1864 года марта 7 дня. С-Петербург. N 54. Подписал: старший лекарь надворный советник медико-хирург Стеткевич"¹⁶. Данный документ достаточно ярко свидетельствует о стремлении Скобелева остаться в Варшаве и участвовать в подавлении разгоревшегося тогда восстания поляков.

19 марта 1864 г. он получает разрешение на перевод в Гродненский полк и отпуск сроком на 4 недели (для отдыха и свидания с отцом, служившим тогда тоже в Польше). Однако во время поездки Скобелев случайно встретился в Августовской губернии Царства Польского с лейб-гвардии Преображенским полком, преследовавшим польский отряд под командованием Шпака, и жажда "понюхать пороху" возобладала. Вместо продолжения пути к Дмитрию Ивановичу будущий "белый генерал" присоединился в качестве волонтера к полку и провел почти весь свой отпуск в погоне за этой польской "бандой". Попал он в распоряжение своего нового полка только 31 марта 1864 года.

Но уже 7 апреля в составе летучего отряда под начальством войскового старшины Занкисова молодой Скобелев получил первое боевое крещение в стычках с другим польским соединением под руководством Шемиота в Радковицком лесу. За личную храбрость в данной операции он был представлен Занкисовым к награде, о чем говорит справка из наградного листа: "Прямое и отличное исполнение приказаний, а также оказанное мужество при взятии в плен доводца Безкишкина, 15 апреля, вполне заслуживают награды Св. Анны 4-й степени за храбрость. Подполковник Занкисов 20 мая 1864 г. г. Варшава". Эту награду Михаил Дмитриевич и получил примерно через год, 10 июня 1865 года¹⁷. 30 августа 1864 г. Скобелева произвели в поручики. Радостные эти события он постарался отметить, поэтому много кутил и стал заметен в женском обществе. Попойки сопровождалась и разными опасными для здоровья и даже для жизни приключениями. Однажды гусар Скобелев выпрыгнул из окна второго этажа и чудом не покалечился. Были и другие колоритные случаи. Например, его товарищ Вейс на пари с Михаилом верхом в походной форме взялся переплыть Вислу во время ледохода, и когда Вейс миновал середину, в воду бросился и наш поручик просто так, без пари. "Хоть пари проиграл, но первенства не дал - в этом весь Скобелев", - так говорили знавшие его в тот период. Через некоторое время с тем же товарищем он затеял страшно опасную игру в пятнашки, и преследуя его неосторожный Вейс во время скачки ударился ногой о дерево и раздробил ее. Его удалось спасти, хотя он и остался до конца своих дней калекой.

Во время пребывания в Царстве Польском молодой офицер увлекался и конными скачками, и преодолением барьеров, часто весьма высоких. Не зря один из его сослуживцев вспоминал: "Чудак. Отличный малый, лихой, берет сумасшедшие барьеры"¹⁸. В общем, будущий "белый генерал" был очень живым, крайне беспокойным офицером, в гусарских попойках одним из первых, гораздым на разные смешные выходки, которые иногда принимали жестокий характер.

В 1866 г. Скобелев решает поступить в Николаевскую Академию Генерального Штаба и подает прошение о зачислении. Ему удается блестяще сдать вступительные экзамены. В то время это лучшее высшее военное учебное заведение России возглавлял генерал-майор А. Н. Леонтьев, а преподавали там такие крупные специалисты, как Г. А. Леер и М. И. Драгомиров. Начальство считало Михаила Скобелева способным, но ленивым. Действительно, он зани-

В результате не все его ответы на выпускных экзаменах понравились профессорам. Поэтому закончил он Академию по оценкам (баллам) далеко не лучшим, и только по второму разряду (тактика - 10,7; стратегия - 12; военная история - 12; военная администрация - 9; военная статистика - 8; геодезия - 6,5; съемка - 8; русский язык - 11; артиллерия - 8; фортификация - 11; иностранные языки - 12; политическая история - 10)¹⁹.

Попал же будущий "белый генерал" в Генеральный штаб только благодаря счастливому случаю и своей находчивости. Ему удалось поразить проверочную комиссию во время практических испытаний. Молодому Скобелеву была поставлена задача найти наиболее удобный пункт для переправы кавалерийского отряда через Неман. К установленному сроку прибыла проверочная комиссия, в составе которой находился профессор Леер, и оказалось, что выпускник провел все отведенное для поиска время на одном месте. Вместо ответа на поставленную задачу, Скобелев вскочил на коня и прямо с места влетел в реку и благополучно переплыл ее в оба конца. Теоретик Леер был восхищен таким практическим решением задачи и настоял на его зачислении в Генштаб²⁰.

Во время учебы в Академии с ним произошел еще один случай, ставший потом легендарным. Отдыхая летом в деревушке на берегу Финского залива, Михаил поехал в лес за жердями, но попал в трясину и чуть не утонул, да вытащила лошадь. "Я ее налево забираю, а она меня направо тянет. Я ее никогда не забуду, - рассказывал впоследствии Скобелев, - если где придется мне на лошади ездить, так чтобы свою сивку помнить, всегда буду белую выбирать"²¹. Отсюда и берет начало легенда о его тяготении к белым лошадям.

Перед своим выпуском 20 мая 1868 г. он получает очередной чин - штабс-ротмистра, а 19 ноября причисляется к Генеральному штабу с назначением в штаб Туркестанского военного округа²², которым командовал талантливый военачальник и инженер, великолепный политик и администратор генерал Константин Петрович Кауфман.

Вначале Скобелеву поручили руководить работой съемочной партии в районе Самарканда. Затем его направили в отряд генерала А. К. Абрамова, начальника Заравшанского района, где он, командуя казачьей сотней, участвует в боевых действиях на беспокойной бухарской границе. Но, несмотря на ревностное исполнение своих обязанностей, служба в Туркестане в первое там время не получилась для него удачной. Причиной был скандал, разразившийся вокруг Скобелева. Исследователи жизни и деятельности "белого генерала" расходятся в описании причин и событий, приведших к его отъезду из Туркестана. По одной версии, весной 1869 г. Михаил вернулся после одной операции и доложил, что им была разгромлена банда бухарцев, терроризирующих местное население. Но через некоторое время один из казаков его сотни заявил, что "офицер сочинил от начала до конца всю историю о разбойниках".

Затем выяснилось, что этот казак просто мстил штабс-ротмистру, который однажды в горячке отхлестал его. Последний затаил на него обиду. Но важно, что его рассказу поверило и начальство, и многие офицеры. Отметим, что это послужило уроком для самого Скобелева, который больше никогда в жизни не поднимал руку на простого

солдата.

Поверил такой версии событий и знаменитый русский живописец В. В. Верещагин, находившийся в ту пору тоже в Ташкенте в качестве художника при генерал-губернаторе: "Некто Жирарде, очень милый француз, учивший детей тогдашнего генерал-губернатора Кауфмана, подвел ко мне юного, стройного гусарского штаб-ротмистра. - Позвольте вам представить моего бывшего воспитанника Скобелева. - Я пожал руку офицерику, почтительно поклонившегося. Фигура юного Скобелева была так привлекательна, что нельзя было отнестись к нему без симпатии, несмотря на то, что история, висевшая на его шее, была самого некрасивого свойства. Дело в том, что,

стр. 62

возвратившись из рекогносцировки на бухарской границе, он донес о множестве разбитых и побитых бухарских разбойников, которых в действительности не существовало, как оказалось, и которые были им просто сочинены для реляции". В данном случае, Верещагин написал это с чужих слов, попросту говоря, со слухов, поэтому доверять этому не стоит. Слухи же распускали некоторые офицеры, с двумя из которых дело дошло до дуэли. С одним он помирился прямо на поединке, а второй был им опасно ранен. В результате и получился скандал, для прекращения которого генерал-губернатор собрал офицеров, обругал Скобелева и перевел его на Кавказ²³.

По другой версии, сам бухарский эмир попросил у Абрамова помощи от бандитов и Скобелеву поручили уничтожить банду. Для выполнения этой задачи к его сотне была прибавлена еще одна сотня корнета Герштенцвейга. Найдя этих бухарцев, Михаил Дмитриевич окружил их и уничтожил почти всех. Однако в расположении русских войск поползли слухи, что Скобелев струсил во время боя, поэтому по личной просьбе Михаила Дмитриевича генерал Абрамов назначил расследование данного боя и поручил его уважаемому полковнику. Последний разобрался в этом деле и доказал честность Скобелева. К тому же, исполнительный полковник выяснил и личности тех людей, которые способствовали распространению порочащих штаб-ротмистра слухов, - корнет Г. и подполковник П. Первый из них был попросту обижен на Скобелева за то, что именно он командовал операцией. Кауфман собрал у себя офицеров, сообщил всем о результатах проведенного следствия и сказал, что дело закрыто, а виноваты только распространители слухов. Скобелеву оказалось мало сухого официального оправдания, он хотел получить товарищеские извинения от этих двух офицеров. Однако те отказались и тем самым нанесли оскорбление не только ему, но и чести его фамилии. Естественно, обидчики были немедленно вызваны на дуэль. Ну, а последствия - те же, что и в первой версии²⁴.

Можно выделить еще и третий вариант развития событий. По нему генерал Абрамов выделил отдельный отряд под командованием корнета Герштенцвейга, куда была включена и сотня Скобелева (в предыдущей версии все наоборот - корнет находился в подчинении у Скобелева). По возвращению из экспедиции поползли слухи, что штаб-ротмистр, в отличие от храбро дравшегося Герштенцвейга, струсил и не

участвовал в стычке с бухарцами. Однако другие участники рассказали, что корнет был пьян и по ошибке атаковал мирных кочевников, а Скобелев не стал в этом участвовать. Для того, чтобы прекратить распространение порочивших его слухов, Скобелев потребовал от Герштенцвейга оглашения истины, но последний отказался. Корнет был вызван на дуэль и ранен в ногу. Через год он скончался, многие посчитали причиной его смерти полученное им ранение от Скобелева, которому вскоре после этого пришлось покинуть Туркестан²⁵.

Лишний раз подтверждает последнюю версию событий такой занимательный документ, как письмо Кауфмана Милютину в ответ на запрос последнего о службе Скобелева от 30 сентября 1870 г.: "Скобелев весьма исполнительен и усерден; берется за дело с увлечением, энергически, но не в такой же степени "преследователей". Призвание его - полевая служба в войсках; он имеет много данных к успеху в этом роде деятельности; в административной же должности едва ли долго выдержит. Вообще, человек способный, но не довольно еще аккуратен. Непомерное честолюбие, желание выскочить, отличиться от других побуждают его смотреть снисходительно на средства... Про него распустили слух, что он трус; но это неправда. Последствие этого слуха было то, что Скобелев выдержал дуэль с двумя офицерами, одну за другою, и готов был продолжать с другими, если б не был остановлен"²⁶.

По мнению В. Н. Масальского, "честолюбие Скобелева тех лет, стремление отличиться проявлялись в нем настолько очевидно, что подавляли щепетильное отношение к представляемой по службе информации, уважение к сослуживцам, скромность и т.п. С другой стороны, рассмотрение инцидента показывает, с какой ревностью, завистью, интригами он встретился в самом

стр. 63

начале своей службы. Его способности заявляли о себе слишком явно, и это было невыносимо для тех, кто был этих способностей лишен, но хотел, тем не менее, добиться славы и чинов"²⁷. В таких вот условиях формировался и закалялся характер будущего полководца.

Именно с этого времени начался период служебных метаний Скобелева. В конце ноября 1870 г. молодой офицер перестает командовать Сибирской казачьей сотней и отправляется на Кавказ, но и там его появление было мимолетным, так как он сразу же был переведен в Закаспийский край, где попал в качестве командира кавалерии в отряд полковника Н. Г. Столетова, тоже будущего героя русско-турецкой войны. Однако и там его присутствие было не долгим по причине нового конфликта с начальством: в мае 1871 г. он самовольно отправился в рекогносцировку Саракмыша всего с 6 всадниками и прошел 410 верст, сделав съемку местности и собрав другую полезную информацию. В планы же начальства она не входила и, несмотря на всю свою полезность, была расценена как нарушение военной дисциплины, в результате чего Скобелев был незамедлительно выслан в Петербург²⁸.

Прежде чем перейти к следующему периоду жизни "белого генерала", хотелось бы

рассказать еще об одном интересном эпизоде, который помогает узнать дневник военного министра России Д. А. Милютин: "Скобелев тогда же, в октябре 1870 г., узнав о начавшейся войне между Пруссией и Францией, рвался принять в ней участие и уехал из Туркестанского края. Я был тогда атакован со всех сторон, и матерью Скобелева, и сестрой ее графиней Е. Н. Адлерберг, и самим графом Александром Владимировичем (граф А. В. Адлерберг, муж сестры матери Скобелева, являлся министром императорского двора. - В. М.), просившем о командировании пылкого ротмистра в прусскую армию. Но ходатайства не были удовлетворены; Скобелев вернулся в Туркестанский край..."²⁹ .

Итак, летом 1871 г. Михаил Дмитриевич был вынужден возвратиться в Петербург. Он отдыхал до 25 апреля 1872 г., когда его прикомандировали к Главному штабу для работы в Военно-учетном комитете. Скорее всего, из-за своей энергичности и несдержанности Скобелев там тоже не засиделся, так как уже 5 июля им было получено новое назначение: он становился старшим адъютантом штаба 22-й пехотной дивизии в Новгороде с переводом в генштаб капитаном.

Там он задержался чуть подольше, чем в других местах, поэтому и остались некоторые свидетельства его жизни в Новгороде. Причем одно из них серьезно подрывает легенду о тяготении Скобелева только к белым лошадям: на этом месте службы "лошади у него были и вороные, и гнедые". Также известно, что в его комнате было всегда сильно надушено по причине его большой страсти к духам. Кроме того, в тот период он много читал, немного играл на рояле и пел "маленьким красивым баритоном". Вскоре у Михаила Дмитриевича происходит очередное столкновение с начальством, на этот раз с начальником штаба гвардии К. Левицким. Только Н. Н. Кнорринг достаточно внятно рассказал об этом инциденте: "Дело было в 1872 г. на маневрах в Тацах. Начальник штаба гвардии К. Левицкий отослал Скобелева, тогда капитана Генерального штаба, с каким-то поручением и очень волновался, что тот долго не возвращался. Наконец Скобелев приезжает с огромным опозданием и на разнос начальника приносит извинение, сказавши, что опоздал по собственной вине, отказавшись назвать причины. Когда же Левицкий стал настаивать, то Скобелев чистосердечно признался, что опоздал потому, что его задержал вел. кн. Юрий Максимилианович, с которым тот в уланском полку и пропьянствовал всю ночь. Левицкий стал распекать Скобелева и по существу, разумеется, был прав, но он, по своему характеру, всегда делал это как-то обидно и нудно, так что Скобелев вскипел и бросился к Левицкому с намерением его ударить. Тогда Витмер (профессор Академии Ген. штаба. - В. М.), свидетель этой сцены, кинулся к Скобелеву и, взявши за локти, увел его из комнаты, уговаривая. Скобелев был очень благодарен Витмеру за вмешательство, иначе дело могло бы кончиться для него очень плохо"³⁰ .

30 августа 1872 г. он произведен в подполковники с переводом уже в штаб Московского военного округа. Разумеется, невзирая на этот и предыдущий инциденты, безболезненно подниматься по служебной лестнице ему помогали мощные родственные связи семьи, в первую очередь, это касается его дяди, имевшего при дворе сильное влияние - графа А. В. Адлерберга. Кроме того, весьма

симпатизировал и помогал молодому офицеру победитель имама Шамиля, бывший наместник России на Кавказе, князь А. И. Барятинский. Именно этот фельдмаршал, имевший громадный авторитет в армии, пробил участие Скобелева в предполагаемом вскоре Хивинском походе русской армии³¹.

В штабе Московского военного округа он вообще не пробыл ни дня, потому что сразу был прикомандирован для командования батальоном к 74-му пехотному Ставропольскому полку, расположенному в районе Майкопа. В начале 1873 г. Скобелев решил поучаствовать в запланированном походе на Хиву. Для этого ему пришлось выхлопотать годичный отпуск. Прощаясь с сослуживцами по полку, подполковник Скобелев у знамени своего батальона сказал: "Клянусь этим знаменем, что если буду жив, то через год я буду стоять на этом месте с Георгиевским крестом". Так и оказалось. Ровно через год тогдашний командир Ставропольского полка генерал Шак, придя вечером к себе домой, услышал свой любимый Даргинский марш, который исполнял Скобелев с крестом на его рояле³².

Хивинский поход под общим командованием туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана начался в апреле 1873 года. По плану три отряда должны были продвигаться по направлению к Хиве с трех разных сторон - со стороны Каспия (Кавказский отряд), из Оренбурга (Оренбургский отряд) и из Туркестана (Туркестанский отряд, ведомый лично Кауфманом) и под самим городом соединиться. Скобелев попал в Кавказский отряд, который был поделен на 2 колонны, выступавшие из двух разных мест: из Красноводска шла колонна полковника Маркозова, а из Мангышлака - колонна полковника Ломакина (2140 чел.), авангардом которой и командовал Скобелев. Путь до Хивы был очень тяжелым³³. Колонна Маркозова вообще не дошла до места встречи и повернула назад.

2 мая соединение Ломакина достигло Кизил-Агира, откуда можно было всего за день дойти до хивинской границы. Собрался военный совет, на котором было решено выслать вперед, к озеру Айбугир, небольшой авангард под командованием Скобелева. Михаил Дмитриевич ту же бросился вперед, и уже 5 мая его авангард имел стычку с крупным караваном, направляющимся в Хиву. Во время рубки несколько казаков и командир отряда были ранены, причем подполковник Скобелев тяжело. На его теле лекарь насчитал 7 ран, поэтому он был вынужден преодолеть часть пути лежа на арбе. В результате этого столкновения авангард захватил 180 верблюдов и 800 пудов хлеба. Далее он дошел до заданного оазиса, где встретил Оренбургский отряд генерала Веревкина. Через несколько дней подошла и колонна Ломакина, после чего она была присоединена к Оренбургскому отряду, опять-таки под общим командованием Веревкина. Генерал вновь передал авангард Михаилу Дмитриевичу, который уже 26 мая занимался рекогносцировкой у стен Хивы. А 28 мая подошел сам Кауфман с основными силами и все три отряда соединились.

Оренбургский отряд, в котором теперь находился и Скобелев, в тот же день начал бомбардировку города. Вскоре хан прислал посланца с предложением капитуляции и просьбой о прекращении огня. Однако, несмотря на приостановку обстрела со стороны русских частей, со стен Хивы несся ответный огонь. Скобелев настоял на возобновлении мощной бомбардировки. Ханский посланец стал уверять, что с русскими ведут перестрелку только туркмены, не подчинявшиеся хану. Действительно, последние, не согласные со сдачей, решили продолжать сопротивление. Скобелеву вместе с заместителем Веревкина полковником

Саранчевым пришлось штурмом брать Хозаватские ворота города, тогда как Кауфман с основными силами мирно вошел с противоположной стороны, договорившись с ханом о сдаче³⁴.

стр. 65

29 мая 1873 г. Хива полностью оказалась под контролем русских войск. Вскоре хан подписал мирный договор с Россией, по которому к последней отходили все земли, находящиеся по правому берегу Амударьи и налагалась небольшая контрибуция в размере 2 млн. рублей. Были освобождены все рабы на невольническом рынке, среди которых оказалось много русских. Фактически над ханством был установлен русский протекторат.

Однако для Скобелева взятие Хивы принесло одни лишь неприятности и недовольство Кауфмана его "агрессивными" действиями. Генерал-губернатор не был в достаточной мере уведомлен о туркменах, поэтому свел все к желанию самого Скобелева побыстрее отличиться. Тут же сложилось мнение о нем, как о карьеристе, крайне неразборчивом в средствах для достижения своих личных целей. В результате желаемый им Георгиевский крест не был получен. Тогда Михаил Дмитриевич вызвался провести опасную рекогносцировку к тем колодцам Артакую, до которых не дошел отряд полковника Маркозова. Он переоделся в туркменскую одежду и вместе с 4-мя проводниками из местных жителей проскакал весь путь туда и обратно, несмотря на угрозу нападения воинствующих кочевников. По словам его ближайшего сподвижника А. Н. Куропаткина, "составленное при этом Скобелевым описание настолько исполнено верно, что служило руководством при движении через Артакую Туркестанского отряда во время Ахал-Текинской экспедиции 1880 года"³⁵. За этот бесспорный подвиг он и был награжден крестом. "Для Скобелева, - пишет Б. А. Костин, - участие в Хивинском походе стало серьезной воинской школой, проверкой его физических и моральных качеств. Испытание Скобелев выдержал с честью. И даже среди обстрелянных в боях туркестанцев он выделялся своим поразительным самообладанием и храбростью. Инициатива, верный глазомер, быстрота в принятии решений уже тогда отличали молодого офицера"³⁶.

После Хивинского похода многие из его участников вернулись в европейскую Россию. На некоторое время приехал из Туркестана и К. П. Кауфман, который тепло отзывался о Скобелеве. В конце 1873 г. вернулся и Скобелев, который отправился отдыхать на юг Франции. Однако спокойный отдых оказался явно не по нему, и "заинтересовавшись партизанскими действиями карлистов, пробрался к Дон Карлосу в Испанию; оборонительные действия этого соперника испанского короля Альфонса XII он считал более достойными изучения, чем действия регулярной испанской армии. Он был свидетелем битв при Эстелье и Пепо-ди-Мурра. Из Испании он вернулся с громадным количеством заметок и записок о партизанской горной войне, об обороне местностей не регулярной, а только что набранной из крестьян армией. Он, как военный специалист, брал свое где его находил, вглядывался во все, что ему казалось по его специальности полезным". "Мне надо было видеть и знать, что такое народная война, и как ею руководить при случае", - говорил "белый генерал" после возвращения в Россию. Попал он, в Испанию переодевшись в костюм испанца и, пробравшись тайно в горы, где был задержан и отведен к Алоизу Мартинецу,

помощнику Дона Карлоса. После этого в течение нескольких месяцев Скобелев находится у карлистов и набирается опыта ведения войны в горных условиях. Затем ему пришлось покинуть Испанию и вернуться на родину, так как в прессе появились предположения, что он направлен в Испанию русским правительством³⁷. Вернувшись вместе с кучей материалов и двумя попугаями, Скобелев узнал, что 22 февраля 1874 г. его произвели в полковники, а 17 апреля назначили флигель-адъютантом императора.

После окончания отпуска в сентябре 1874 г. его направляют в Пермскую губернию для введения в действие нового устава о воинской повинности³⁸. После выполнения этого задания Михаил Дмитриевич возвращается в Петербург и женится. Невесту молодому и красивому флигель-адъютанту, георгиевскому кавалеру, обладавшему мощными семейными связями и большим состоянием, нашли соответствующую - фрейлину императрицы княжню Марию Николаевну Гагарину. Она, в отличие от многих, не охотилась за

стр. 66

"белым генералом". По мнению Масальского, "М. Н. Гагарина была бы для Скобелева вполне подходящей подружкой жизни. Она была умна, ровна и уживчива. Скобелев за ее кроткий нрав называл ее чудным ребенком... Строго одетая молодая женщина, не красавица, но не лишенная привлекательности, лицо серьезное, взгляд умный, без тени кокетства. К слову, хорошо ездила верхом... Исход этого брака объясняется, возможно, еще и тем, что, как ни странно, при всех великосветских связях Скобелева его не притягивало аристократическое общество. Княжна Гагарина не покорила его сердце"³⁹.

Венчание состоялось в январе 1875 года. Медовый месяц молодожены провели в Петербурге в квартире на Большой Морской улице. Когда Михаил Дмитриевич услышал, что в Туркестане опять начнутся военные действия, он не выдержал, быстро собрался и отправился туда. Мария Николаевна поехала с ним. Бешеные темпы переезда не подходили для такой хрупкой женщины. В Нижнем Новгороде она просит остановиться на несколько дней для отдыха. Скобелев же рвется дальше, боясь опоздать к началу событий; супруги поругались и расстались. Он помчался в Ташкент, откуда телеграфировал Марии Николаевне с просьбой о приезде, но она отказалась, говоря, что такое расстояние и такие дороги не для нее. Поэтому через некоторое время был осуществлен развод.

Мария Николаевна Гагарина превратилась в затворницу и, почти на 25 лет пережив своего супруга, скоропостижно скончалась в Баден-Бадене 17 апреля 1906 года. Верещагин, друживший с Михаилом Дмитриевичем, считал, что разлука с Гагариной тяжела для Скобелева и что он по своей натуре склонен к семейной жизни: "Никогда не расспрашивал также Скобелева о его женитьбе, т.к. понял из некоторых замечаний, что это его больное место. Но я положительно подметил у него стремление к семейной жизни, и когда он раз горячо стал оспаривать это, я прибавил: - Необходимо только, чтобы жена ваша была очень умна и сумела бы взять вас в руки. - Это, пожалуй, верно, - согласился он. Другой раз, помню, в Плевне я смеялся, что мы еще увидим маленьких Скобелят, которые будут ползать по его

коленам и таскать его за бакенбарды. Михаил Дмитриевич хоть и проворчал: "что за чушь вы говорите, Вас. Вас", однако предобродушно смеялся над моей картиной. Не мало смеялись, помню, Хомичевский и другие ординарцы, при этом бывшие"⁴⁰. Таким образом, попытка "белого генерала" обрести семью не удалась, хотя повинен в этом был, в первую очередь, он сам. В возрасте 31 года он относился к браку весьма легкомысленно.

В конце мая 1875 г. Скобелев вновь прибывает в Ташкент в распоряжение генерала Кауфмана, но уже в чине полковника и в качестве флигель-адъютанта царя. Это был третий и самый известный его приезд в Туркестан. Период с 1875 по 1877 год можно назвать пиком деятельности Скобелева в данном регионе: именно в те годы к нему пришла общероссийская известность и слава.

Для переговоров с кокандским ханом в Коканд было отправлено посольство под охраной Михаила Дмитриевича, с которым было 22 казака и 6 джигитов. Когда оно прибыло в Коканд, в ханстве началось восстание, возглавленное муллой, принявшим имя Пулат-бека. В результате, вместо переговоров покинутому своими приближенными и телохранителями Худояр-хану пришлось бежать под охраной Скобелева. Проявив выдержку, ему удалось пробиться сквозь возмущенные толпы подданных хана и дойти до Ходжента, где находился тогда Кауфман. Хан был спасен, за что горячо благодарил Скобелева и Кауфмана. За свои решительные действия Михаил Дмитриевич был награжден золотой саблей "За храбрость"⁴¹.

Ханом же в результате восстания стал старший сын Худояра Насреддин, которого поддержал лидер восставших кипчаков Абдурахман-автобачи. Вскоре последний объявил джихад против неверных и напал на российскую территорию. Однако вовремя появившийся отряд генерала Головачева отбил нападение. В связи с агрессивными действиями ханского военачальника Коканду была объявлена война. В августе русские войска в составе 16 рот, 9 сотен

стр. 67

казаков с 20 орудиями и 8 ракетными станками (всего около 4 тыс. чел.) под командованием самого генерал-губернатора края вышли из Ходжента⁴². Скобелеву было поручено командование кавалерией.

21 августа произошел бой у кишлака Каракчикум, в котором Михаил Дмитриевич провел мощную кавалерийскую атаку сразу после артподготовки, в результате чего кокандцы были рассеяны. На следующий день состоялось первое и, одновременно, решающее сражение под крепостью Махрам, где небольшому отряду Кауфмана противостояла почти пятидесятитысячная ханская армия. И опять исход столкновения был решен ударом кавалерии Скобелева, который врубился в массы противника и заставил его спасаться бегством. Он был ранен в ногу, но не покинул строй до того момента, как неприятель не побежал. В результате сражения армия кокандцев была полностью разбита. Русские войска взяли 39 орудий и около 1000 пленных, а радостный Кауфман сообщил в Петербург: "Дело сделано чисто!"⁴³. Скобелев за блестящие действия был произведен в генерал-майоры с зачислением в

свиту.

Далее путь на Коканд был спокойным. В столице Кауфман был встречен ханом Насреддином, который запросил мира. И мирный договор был быстро подписан. В нем подтверждались права русских купцов на свободную торговлю и то, что к Туркестанскому генерал-губернаторству отошел правый берег Сырдарьи с городами Чустом и Наманганом. Однако военные действия на территории ханства на этом не закончились. Сразу вслед за уходом русских войск из Коканда, туда ворвался Абдурахман-автобачи с кипчаками, сверг Насреддина и отдал престол Пулат-беку. В это время Скобелев был назначен Кауфманом, начальником Наманганской области, то есть территории, непосредственно граничащей с Кокандским ханством. Самому же генерал-губернатору для участия в совещании по вопросу о Коканде пришлось покинуть Туркестан и отправиться в Петербург, оставив вместо себя генерала Колпаковского. Абдурахман же не успокаивался на достигнутом и предпринял несколько попыток отбить Наманганскую область, но войска под командованием Ак-паши ("белый генерал" по-тюркски) пресекли их и разбили все кипчакские отряды, за что Скобелев был удостоен уже ордена Св. Георгия III степени⁴⁴.

Стычки с кипчаками продолжались до конца января 1876 года. Проследить основные события, происходящие в то время можно по дневнику Милютина. "1876 г. 15 января. Получена телеграмма из Ташкента о новом успехе наших войск против кокандцев: генерал-майор Скобелев овладел Андижаном, где сосредоточились враждебные нам скопища кипчаков Абдурахмана-Автобачи. 29 января. После доклада, продолжавшегося опять очень долго (по случаю полученных генералом Кауфманом телеграмм о новых успехах Скобелева в Кокане) [Здесь речь идет о последней попытке Абдурахмана ударить по русским. Он после поражения в Андижане сумел собрать неподалеку от этого города 15-тысячное войско, но внезапно при Ассакке на него налетел Ак-паша, и от войска ничего не осталось. - В. М.]. 3 февраля. Получены довольно важные известия из Кокана: смуты и раздоры дошли до того предела, что обе соперничающие партии нашлись вынужденными положить оружие перед русской силой. Предводитель кипчаков Абдурахман-Автобачи сдался Скобелеву (это произошло вскоре после поражения при Ассакке 24 января. - В. М.)... Прежнее ханство Коканское присоединяется к Российской империи под названием области Ферганской (древнее название страны в верховьях Оксуса - Фергана). Государь одобрил наше предположение и телеграмма вчера же отправлена к Колпаковскому..."⁴⁵. 5 февраля генерал Колпаковский получил эту телеграмму из Петербурга, а уже 8 числа Скобелев в результате стремительного броска взял Коканд. "19 февраля. Сегодня, - продолжал Милютин, - при докладе моем окончательно последовало высочайшее повеление о присоединении к империи бывшего ханства Коканского под именем области Ферганской. Губернатором назначен генерал-майор Скобелев, завоевавший с ничтожными силами эту новую территорию"⁴⁶.

стр. 68

Михаил Дмитриевич находился на этой должности не более года. За это время он смог уничтожить рабство и упорядочить налоговую систему, бывшую до него в

беспорядке. Из Коканда, города с плохим климатом, он перенес областной центр в г. Новый Маргелан, названный, кстати, в 1907 г. именем Скобелева. Летом 1876 г. неутомимый военачальник возглавил экспедицию к границам Кашгарии, к Тянь-Шаню. С ним отправились 8 рот, 4 сотни, 3 горных орудия и ракетная батарея. К тому же, с "белым генералом" там находились и специалисты для проведения различных исследовательских работ - географы, топографы и т.д. По словам В. И. Немировича-Данченко, "тут ему приходилось совершать горные переходы через перевалы Сары-Магук на высоте 18000 футов и Аргат-Даване на 11000 футах"⁴⁷. Естественно, что в данном походе ему пригодился опыт, полученный во время отпуска в 1873 - 1874 гг., который он провел в Испании. Результатом этой экспедиции было присоединение Алайской земли к Ферганской области, занятие кашгарской границы и постройка Гульчинско-Алайской дороги, которая стала называться "Скобелевским путем". Также были "впервые нанесены на карту 26 тыс. верст неизвестной местности, проведены естественно-научные исследования, собраны богатые коллекции".

В конце 1876 г. область посетил генерал-губернатор и остался доволен увиденным. Скобелев тут же написал об этом своим друзьям: "Область только что посетил генерал-губернатор, ревизовал все гражданские управления и смотрел войска. Он остался всем как нельзя более доволен и заявил, что дело организации вновь присоединенной области находится в хороших руках. Ты меня поймешь, как подобная оценка упрочивает мое положение - я много работаю и сам чувствую, что дело идет; одно страшно - это пропустить отечественную боевую эпопею, не быть там, где на равнинах, по холмам будут грохотать русские пушки! Волосы дыбом становятся при этой ужасной мысли! Я, впрочем, все это тебе говорю без всякой задней мысли; я уверен в том, что жить жизнью скверною, в особенности служить, не обладая лично никаким состоянием, дело трудное, редко совместимое с нашими порывами. Исполнение долга службы одно дает душевное спокойствие и счастье; здесь, в крае, я до сих пор этим последним пользуюсь безусловно; не будь турецкого вопроса, я бы назвал себя самым счастливым человеком в мире"⁴⁸. Как видно из письма, Михаила Дмитриевича волновало не только состояние дел в крае, но и то, что он может не попасть на назревавшую войну с Турцией.

Тихая и спокойная жизнь была не для такого человека, поэтому он уходит с поста губернатора области и уезжает в Петербург. Однако там Михаил Дмитриевич неожиданно попадает в страшную немилость. "Скобелев вернулся в Туркестанский край, - пишет Милютин, - где оказал многие отличия, получал одну награду за другой до тех пор, пока не свернул ему шею флигель-адъютант кн. Долгорукий, командированный в Ташкент по особому высочайшему повелению в 1876 г. и привезший оттуда рассказы о предосудительном поведении Скобелева. Кн. Долгорукий, брат будущей княгини Юрьевской (светлейшая княгиня Юрьевская, урожденная княжна Екатерина Михайловна Долгорукая, вторая жена Александра II. - В. М.), пользовался особенным покровительством государя. Скобелев, занимавший уже в то время пост начальника Ферганской области, в чине генерал-майора свиты е.в.,

был смещен с должности, вызван в Петербург и попал в такую немилость, что в начале войны 1877 г. не смел даже показываться государю и скромно состоял вместе со своим отцом при штабе главнокомандующего армией"⁴⁹ .

Пытается разобраться в этом и Н. Н. Кнорринг, который в своей работе привел письмо генерала Троицкого к Кауфману спустя неделю после приема Скобелева у царя: "Приехал сюда Михаил Дмитриевич Скобелев. Он поражен, да и я вместе с ним, приемом у государя. Не подав руки, его величество сказал Скобелеву: "Благодарю тебя за молодецкую боевую твою службу, к сожалению, не могу сказать того же об остальном (о чем именно - ни слова). Затем, волнуясь и возвысив голос, государь продолжал: "Я помню, я знал твоего деда, и я краснею за его славное имя". Это место из слов государя так сразило Михаила Дмитриевича, что он говорит, что не помнит, так ли именно была произнесена его величеством фраза, но что в его, Скобелева, ушах особенно тягостно отозвалось слово "краснею". Была еще и такая фраза: "Я осыпал тебя милостями". Государь закончил свое обращение словами: "Я надеюсь, что на новом назначении, которое я тебе дам, ты покажешь себя молодцом". С этим Михаил Дмитриевич был отпущен из дворца... Трудно установить конкретные особенности обвинения против Скобелева, но в том же письме ген. Троицкий пытается их формулировать: "Обвинительные против Скобелева пункты - распушенность войск, панибратство с офицерами, демократизация, умышленное непривлечение к себе помощников с громкими именами и проч. ...Один из главных интриганов был полк. кн. Витгенштейн, который после возвращения Скобелева в Коканд из экспедиции в горы, был оставлен в качестве заместителя Скобелева"⁵⁰ .

Таким образом, становятся известными два главных недруга молодого генерала, князь Долгорукий и князь Витгенштейн. Благодаря их интригам у Скобелева время в Петербурге проходило очень беспокойно, и только после активных действий своих могущественных родственников его назначают, да и то с большим скрипом, на небольшую должность начальника штаба в казачью дивизию, которой командовал его отец Дмитрий Иванович⁵¹ .

Вскоре началась русско-турецкая война 1877 - 1878 гг., принесящая "белому генералу" мировую славу. Из Болгарии М. Д. Скобелев вернулся общепризнанным военным авторитетом, поэтому данную войну можно с полной уверенностью назвать пиком его карьеры и самым значительным периодом жизни⁵² . Начало военных действий "белый генерал" встретил, находясь в должности начальника штаба Кавказской казачьей дивизии, командиром которой был его отец, Скобелев-первый. Михаила Дмитриевича стали называть Скобелевым-вторым. Он сразу же решил показать себя: с летучим отрядом Скобелев-2 в день объявления войны, 12 апреля 1877 г., занимает Барбошский железнодорожный мост через реку Серет и этим обеспечивает дальнейшее беспрепятственное движение русских войск к Болгарии. Однако вскоре Кавказская дивизия была расформирована, и оба Скобелевы оказались в свите императора. Но Михаил Дмитриевич не хотел сидеть сложа руки во время боевых действий и поэтому на свой страх и риск договаривается с генерал-майором М. И. Драгомировым, начальником 14-й пехотной дивизии, о своем назначении к нему простым ординарцем. Случай просто уникальный: один генерал-майор в роли ординарца у другого генерал-майора. Однако ж Скобелев-2 не смущался такой субординации и уже при переправе через Дунай 14 - 15 июня, в этой первой крупной операции русских войск, он снова показывает себя блестяще. Он

спасает положение, бросаясь с колонной стрелков в атаку прямо на ошестинившиеся огнем турецкие позиции, выбивает оттуда противника и закрепляет тем самым плацдарм для основных русских войск.

Скобелев участвовал почти во всех крупных столкновениях: 25 июня - в разведке и занятии города Белы, 3 июля - в отражении турецкой атаки Сельви и 7 июля - в занятии Шипкинского перевала. Далее он участвует в двух печальных для нашей армии и кровопролитнейших сражениях за Плевну, в которой укрепился с мощной группировкой один из лучших военачальников тогдашней Турции Осман-паша. Как известно, из-за бездарных действий от-

стр. 70

дельных руководителей русской армии и плохо запланированного штурма обе попытки взятия города провалились с большими потерями. Во время второй Плевны "белый генерал" при отступлении русских войск активными действиями своего небольшого отряда спасает левое крыло русской армии, задержав турецкие таборы, которые как раз и намеревались по нему ударить. Затем он разрабатывает и реализует план по взятию города Ловчи, в котором находилась часть войск Осман-паши. Во время третьей Плевны пополненный отряд Михаила Дмитриевича, действуя опять-таки с левого края захватив три гребня Зеленых гор и 2 редута - Иссаага и Кованлек, подошел к самой Плевне, однако из-за зависти других высших военных чинов, в частности, генералов К. Левицкого и П. Зотова, не получает подкреплений и под нажимом значительно превосходящих сил противника вынужден был отойти⁵³.

За проявленный героизм и мужество его производят в чин генерал-лейтенанта, награждают орденом Станислава I степени и назначают начальником 16-й дивизии. Награды эти не особенно его порадовали, так как "до третьей Плевны говорил он Немировичу-Данченко: "Я был молод, оттуда вышел стариком! Разумеется, не физически и не умственно ... Точно десятки лет прошли за эти семь дней, начиная с Ловчи и кончая нашим поражением ... Это кошмар, который может довести до самоубийства... Воспоминание об этой бойне - своего рода Немезида, только еще более мстительная, чем классическая. Откровенно говорю вам - я искал тогда смерти и если не нашел ее - не моя вина!"⁵⁴. После такого нервного перенапряжения он отправляется на отдых в Бухарест, где никто не пользуется такой известностью и таким уважением, как "белый генерал".

После трех неудачных штурмов Плевны главнокомандующим становится генерал Э. И. Тотлебен, который приказал блокировать Плевну. В результате у турок кончается продовольствие, и после неудачного прорыва блокады командующий турецкой армией в Плевне Осман-паша сдается. Скобелева назначают военным губернатором Плевны. Любопытна встреча двух полководцев: "Войдя в домик, занимаемый Османом, он отдал ему воинскую честь и разговорился с ним через переводчика. Осман-паша, которому Скобелев был хорошо знаком, как храбрый русский генерал, с которым он не раз ведался в делах, в свою очередь, с почтением отнесся к Михаилу Дмитриевичу. В этом разговоре замечательны следующие фразы, которыми

обменялись два героя. Скобелев обратясь к переводчику сказал:

- Скажите паше, что каждый человек, по натуре, более или менее завистлив и я, как военный человек, завидую Осману-паше в том, что он имел случай оказать своему отечеству важную услугу, задержав нас целых 4 месяца под Плевною.

Осман-паша величаво поклонился Скобелеву и с приятной улыбкою отвечал: - Генерал еще так молод годами и уже успел так много и хорошо заявить на военном поприще, что я не сомневаюсь - если и не я, то может быть мои дети отдадут ему почтение, как фельдмаршалу русской армии.

Дружественно пожав друг другу руки они расстались"⁵⁵ .

Михаил Дмитриевич участвует и в знаменитом Шейновском сражении, в котором была частично уничтожена, частично взята в плен русскими войсками громадная армия Вессель-паши, после чего был открыт путь к Стамбулу. Понимая это, Скобелев-2 берет Андрианополь, древнюю столицу турок и стремительно приближается к тогдашней столице Османской империи. 17 января 1878 г. авангард "белого генерала" захватывает город Чорлу, расположенный всего в 80 км от Стамбула. Дальше однако пройти не удалось, так как турки запросили перемирия, и 19 января война прекращается вследствие подписания перемирия в захваченном русскими Андрианополе. Через месяц, 19 февраля, был подписан мирный договор между Турцией и Россией⁵⁶ .

В это время Михаила Дмитриевича назначают командиром оставленного в Турции 4-го армейского корпуса. "Белый генерал" начинал скучать от бездействия и для того, чтобы развлечься, совершает увеселительные прогулки с офицерами своего корпуса в Константинополь, Буюк-Дере и другие

стр. 71

окрестности. "Раз как-то Скобелев поехал в сопровождении трех офицеров и четырех казаков в Буюк-Дере, где имел дело в нашем посольстве. Поехали кратчайшим путем. Часов в шесть вечера, миновав сплошные сады фруктовых деревьев, въехали в Буюк-Дере, где остановились в лучшей французской гостинице. Хозяйка-француженка, бойкая, пикантная дамочка, очаровала всех и более всего Скобелева, который пригласил француженку обедать с ним и офицерами. Скобелев вышел в зал в белом кителе, раздушенный, сияющий, усадил рядом с собою француженку и стал отчаянно за нею ухаживать. Вдруг ему пришла мысль выкинуть гусарское коленце. Подозвав одного из офицеров, он шепнул ему что-то на ухо. Тот улыбнулся и вышел. Скобелев, между тем, завязал с француженкой разговор о России.

- А вот посмотрите на этого господина, - сказал вдруг Скобелев, указывая на Дукмасова, отличавшегося полуазиатскою наружностью. - Это казак самый настоящий. Он совершенный дикарь. Он ест человеческое мясо и сальные свечи!

Француженка сразу сделалась красна, с удивлением посмотрела на руки и зубы

казацкого офицера и, наконец, сказала вполголоса, что он не похож на людоеда.

- Мы его приручили! - ответил Скобелев. - Увидите, с каким аппетитом он будет есть, вместо десерта, сальные свечи.

Через несколько минут вошли два лакея, из которых один подал казаку тарелку с парой сальных свечей. Француженка пришла в ужас, но когда Дукмасов стал преспокойно уписывать поданные свечи, с нею чуть не сделался обморок. Тогда только Скобелев не выдержал и объяснил, что свечи сделаны из сахара и сливок и заказаны у кондитера⁵⁷. Вот так вот развлекался "белый генерал" в свободное от службы время.

Солдатам же генерал был верным и простым товарищем. Одним из главных отличий Скобелева от большинства тогдашнего российского генералитета было то, что он смог стать своим человеком для простых солдат и обер-офицерских чинов. Михаил Дмитриевич никогда не брал своего жалованья корпусного командира - оно полностью шло на добрые дела, в первую очередь, на материальную помощь простым солдатам и небогатым офицерам.

Скобелев берег солдатскую кровь. Например, при страшном по погодным условиям переходе через Балканы он сумел не потерять ни одного солдата от мороза и метели там, где у других генералов вымерзли целые полки. "Белый генерал" прекрасно знал, во что обходится война. "Это страшное дело, - не раз говорил он. - Подло и постыдно начинать войну так себе, с ветру, без крайней необходимости. Никакое легкомыслие в этом случае непростительно. Черными пятнами на королях и императорах лежат войны, предпринятые из честолюбия, из хищничества, из династических интересов".

Скобелев долго находился в Болгарии и только в апреле 1879 г. вернулся в Россию. К нему вернулось доверие и расположение императора - 30 августа его назначили генерал-адъютантом Александра II. Вскоре он по личному выбору царя отправляется в командировку в Германию на военные маневры в качестве представителя русской армии. Результатом поездки был подробнейший отчет, представленный военному министру⁵⁸. По словам Немировича-Данченко, "из своих бесед с берлинскими генералами, из знакомства с прусскою армией Скобелев вынес глубокое убеждение, что там - серьезно готовятся к войне с нами ... - Мы опять разыгрываем роль глупой евангельской девы ... Опять война застанет нас врасплох!"⁵⁹. Однако воевать с немцами ему не пришлось, зато он во всем блеске своего военного таланта показал себя уже в почти родной для себя Средней Азии.

К 1873 г. все три государства в Средней Азии (Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства) были подчинены Российской империи, а после Кокандского восстания в 1876 г. Кокандское ханство было включено под названием Ферганской области в состав Туркестанского края России. Вне русской зависимости остались только туркмены. Подчинение Россией среднеазиатских стран усилило русское влияние в значительной части Туркме-

нии. С этим не могла мириться Англия - главный соперник России в этом регионе. Великобритания всеми способами стремилась помешать распространению российского влияния на остальную территорию Средней Азии. В одном из своих писем "белый генерал" писал: "Близкое будущее докажет нам, я полагаю, что Англия предпримет в этом направлении (завоевание господства в Туркестане. - В. М.) ряд попыток и усилий, носящих вначале исключительно промышленный и торговый характер, но которые разовьются впоследствии в могущественную, угрожающую нашим границам наступательную силу". Как бы в подтверждение этим словам, в ноябре 1878 г. Великобритания начала военные действия против Афганистана. Россия, сохраняя нейтралитет в этой войне, предприняла военную экспедицию из Красноводска в Ахал-Текинский оазис.

В 1879 г. трехтысячный отряд генерала Н. П. Ломакина подошел к стенам крепости Геок-Тепе и начал ее штурм, но, понеся большие потери, вынужден был отступить (первая Ахал-Текинская экспедиция)⁶⁰. Данное поражение имело далеко идущие последствия для внешней политики России. И поэтому его надо было быстро скрасить победой и присоединением данной территории к Российской империи. Выступая на государственном совете, Д. А. Милютин заявил, что без занятия вышеуказанной части Туркмении Кавказ и Туркестан будут разъединены, вследствие того, что оставшийся между ними промежуток давно уже является одной из целей английских военных происков. К тому же, в будущем этот незакрытый участок может привести к появлению английского влияния на берегах Каспийского моря⁶¹.

Организацию новой экспедиции и поручили "белому генералу", находящемуся в зените своей славы и популярности⁶². Своими помощниками он сделал двух образованнейших людей того времени. Начальником штаба стал полковник Н. И. Гродеков, необычайно трудолюбивый человек, обладавший громадными знаниями по географии, этнографии и истории Туркестана, участник большого количества экспедиций и автор ряда научных трудов. А вторым, в качестве начальника морской части экспедиции, был назначен будущий адмирал С.О. Макаров, тогда еще капитан 2-го ранга.

Ознакомившись с материалами первой экспедиции, Михаил Дмитриевич решил, что неудачи экспедиции кроются в слабом материальном обеспечении. По стратегическому плану Скобелева наступление предполагалось развернуть от Красноводска до Ашхабада, а потом - по пустыне. Для снабжения войск в глубине пустыни необходимо было в кратчайший срок построить железную дорогу. Войска, снаряжение и строительные материалы могли поступать в Красноводск только через Каспий, иного пути не было. Морские перевозки сыграли огромную роль в успехе всей экспедиции. Скобелев познакомился с Макаровым во время русско-турецкой войны. Покидал же Болгарию генерал на пассажирском пароходе "Великий князь Константин", оборудованном для ведения боевых действий на море, которым командовал как раз Макаров. Поэтому Скобелев и предложил ему участвовать в экспедиции в должности заведующего всей морской частью.

1 мая 1880 г. капитан прибыл на Каспий и убедился в трудности своей работы. Объем перевозимых грузов был очень велик, а русского флота на этом море почти не было. Однако он смог мобилизовать все корабли и личный состав, заставить работать

бесперебойно. Макарову, по должности, приходилось разъезжать по различным городам и портам: Астрахань, Дербент, Баку и т.д. В результате прекрасного исполнения обязанностей Степаном Осиповичем необходимые грузы поступили в Красноводск вовремя и в достаточном количестве. Железная дорога в степи была построена быстро, что обеспечило успешное продвижение войск.

Как незаурядный человек, Макаров не ограничился только исполнением своих непосредственных обязанностей. Военных действий на море не велось, и Макаров решил использовать бездействующие пушки немногих военных судов. Он сформировал батарею из легких морских орудий с командой из моряков и намеревался во главе этой артиллерийской части наступать

стр. 73

через пустыню, но не получил разрешения командования. Созданная батарея, так называемый отряд морской пехоты, участвовала в составе армии Скобелева в боевых действиях с противником и заслужила высокую оценку: из 28 матросов, посланных Макаровым в поход, каждый третий был ранен, а 25 были награждены Георгиевскими крестами⁶³. Как считал сам С. О. Макаров, "такой большой процент награжденных объясняется тем обстоятельством, что командующий войсками выставлял картечи всюду, а молодецкая команда сумела быть первой из первых ... Кроме того, наши нижние чины вызывались охотниками при каждом возможном случае и умели заслужить георгиевские кресты"⁶⁴.

В результате тщательной подготовки, бесперебойных морских перевозок, постройки железной дороги скобелевский отряд придвинулся к стенам Геок-Тепе, главной твердыне текинских племен. Предложения о прекращении войны были отвергнуты руководителями текинцев. 11 января 1881 г. был отдан приказ о штурме, и 12 числа крепость была взята, невзирая на огромный численный перевес противника (от 25 до 45 тыс. человек) и ожесточенное сопротивление. Скобелев отдал приказ не брать пленных, а город был отдан на трехдневное разграбление солдат⁶⁵. Несмотря на это, раненых собрали и отправили в лазарет. А уже 14 января Скобелев был произведен в генералы-от-инфантерии и награжден орденом св. Георгия II степени.

К весне 1881 г. сопротивление воинственных текинцев было сломлено (взятие Денгиль-тепе и Ашхабада). Русские войска продвинулись даже далее Ашхабада. Макаров выполнил свою задачу и в мае его отозвали в Петербург. "Белый генерал" не разочаровался в своем выборе. Известно немало его лестных высказываний о Макарове. Прощаясь, друзья поменялись Георгиевскими крестами. Возможно, еще не раз довелось бы им действовать совместно, но примерно через год, 25 июня 1882 г. Скобелев внезапно скончался. Макаров тяжело переживал эту смерть и чрезвычайно дорожил скобелевской реликвией. В день гибели Макарова, 31 марта 1904 г., на его адмиральском кителе был крест, принадлежавший Михаилу Дмитриевичу, и Степан Осипович навсегда унес его с собой.

Ахалтекинская экспедиция в полной мере продемонстрировала полководческий талант Скобелева. Многие могли теперь убедиться в личной храбрости и решительности "белого генерала", его умении принимать неординарные и трудные

решения, а главное, не боясь брать ответственность на себя в непредсказуемых ситуациях. В Ахал-Теке все увидели уже полностью сформировавшегося и опытного военачальника, который бережливо относится к простому солдату.

Не зря Скобелева называли одним из последних представителей суворовской школы в русской армии, и это, в первую очередь, касалось общения и взаимопонимания с солдатами, штыки которых и приносили ему победы. Безграничная вера и любовь последних были ответом на его заботу, честность и справедливость. Он лично контролировал организацию солдатского быта, условия их размещения в любой экспедиции или походе, досуг, развлечения. Особенно внимательно "белый генерал" следил за питанием и соблюдением санитарии. Отличительной чертой подчиненных ему соединений было малое количество больных. Он старался развивать инициативу солдат и офицеров, но соединял это со строжайшей дисциплиной.

"Белый генерал" считал крайне важным, чтобы солдаты осмысленно действовали на поле боя и сознательно исполняли приказы вышестоящего начальства. Для развития инициативы и самостоятельности у нижних чинов, по мысли Скобелева, нужен был высокообразованный офицер, который обязан уважать солдата и заботиться о его состоянии. Как верно заметил В. Н. Масальский, "боевые подвиги и забота о солдате - эти два качества, тесно связанные и одинаково характерные для Скобелева, прославили его в равной мере, с ними он и вошел в историю"⁶⁶.

12 января 1882 г., в годовщину удачного штурма текинской крепости, состоялся банкет для его участников. Естественно, на нем присутствовал и

стр. 74

Михаил Дмитриевич, который выступил с яркой речью, ставшей сенсацией для светской столицы. Вначале он вспоминал о тех событиях и погибших там сослуживцах, но затем перешел на несколько иную тему: "... Опыт последних лет убедил нас, что если русский человек случайно вспомнит, что он благодаря истории все-таки принадлежит к народу великому и сильному, если, Боже сохрани, тот же человек случайно вспомнит, что русский народ составляет одну семью с племенем славянским, ныне терзаемым и попираемым, тогда в среде доморожденных и заграничных иноплеменников поднимаются вопли негодования, что этот русский человек находится лишь под влиянием причин ненормальных, под влиянием каких-либо вакханалий... Престранное это дело, и почему нашим обществом овладевает какая-то странная робость, когда мы коснемся вопроса для русского сердца вполне законного, являющегося результатом всей нашей тысячелетней истории ... Господа, в то самое время, когда мы здесь радостно собрались, там, на берегах Адриатического моря, наших единоплеменников, отстаивающих свою веру и народность, именуют разбойниками и поступают с ними как с таковыми! Так, в родной нам славянской земле, немецко-мадьярские винтовки, направленные нам в груди ... Я не договариваю, господа ... Сердце болезненно щемится. Но великим утешением для нас вера и сила исторического призвания России"⁶⁷. А в кулуарах военачальник был еще откровеннее, т.к. предлагал "... вольный союз славянских племен, полнейшую автономию у каждого, одно общее войско, деньги... Управляйся внутри как

хочешь...".

Это было довольно резким заявлением из уст не дипломата, а военного. Многие считают, что эта речь была составлена при помощи известного славянофила И. С. Аксакова, под воздействием которого Скобелев находился в последние годы. Об этом говорит и письмо, написанное генералом на следующий день после выступления: "13 января 1882 года. Уважаемый Иван Сергеевич! Вернувшись домой, не успел просмотреть сказанное вчера. Записывали, как могли. Исправьте, если что окажется не так. Я кончил тостом: "За здравие нашего великого царя и государя Александра III!" Утром был у великого князя Михаила Николаевича. Все сказанное уже известно. Что дальше? Ваш М. Скобелев."⁶⁸ . Можно сказать, что прозвучал своеобразный вызов официальной российской политики по отношению к единоверцам-славянам, направленный против Австро-Венгрии.

Понятно, что такой спич не мог остаться без внимания официальных кругов. Реакция их была вполне прогнозируемой: речь генерала постарались дезавуировать, а его самого быстро отправили в заграничный отпуск, решив, что, дескать, там он не будет так смел и будет просто развлекаться и отдыхать. Но так, к сожалению, не вышло. Скобелев поехал во Францию, в Париж, где встречается с журналисткой госпожой Адан, являвшейся одной из ярких сторонниц реванша Франции и, следовательно, большой германофоб-кой. Не любил немцев и наш полководец, что и привело его к произнесению второй зажигательной речи, но уже перед пришедшими к нему сербскими студентами. Он заявил им следующее: "... Я должен сказать вам, признаться перед вами, почему Россия не всегда стоит на высоте своих патриотических обязанностей и своей славянской роли, в частности. Это потому, что как внутри, так и извне ей приходится вести борьбу с чужеземным влиянием.

Мы не хозяева в своем собственном доме. Да! Чужеземец у нас везде. Рука его проглядывается во всем. Мы игрушки его политики, жертвы его интриг, рабы его силы ... Его бесчисленные и роковые влияния до такой степени властвуют над нами и парализуют нас, что если, как я надеюсь, нам удастся когда-нибудь избавиться от них, то не иначе как с оружием в руках. И если вы желаете узнать от меня, кто этот чужеземец, этот пролаз, этот интриган, этот столь опасный враг русских и славян, то я вам назову его.

Это виновник "Drang nach Osten" - вы его все знаете! - это немец! Повторяю вам и прошу не забывать, наш враг - немец! Борьба между славянами и тевтонами неизбежна ... Она даже близка ... Это будет продолжительная, кровопролитная, страшная борьба, но, что касается меня, то я убежден,

стр. 75

что в конце концов победят славяне ..."⁶⁹ . Эта речь, наполненная идеей единства славян, была направлена уже против Германии.

Немедленно через российское посольство во Франции Михаилу Дмитриевичу было приказано вернуться на родину, причем ехать, минуя по понятным причинам Берлин.

Он возвращается и получает выговор от военного министра П. С. Ванновского. Однако встреча с якобы рассерженным новым императором Александром III прошла вполне спокойно и без эксцессов. Считается, что "белому генералу" удалось доказать царю необходимость сближения России с Францией для борьбы с Германией, поэтому-то он и вышел из кабинета Александра III "веселым и довольным"⁷⁰. В конце апреля он после короткой беседы с царем покидает столицу и едет в штаб своего 4-го корпуса в г. Минск.

Здесь он еще до поездки в Туркмению встречает молодую девушку Екатерину Головкину, работавшую учительницей в минской гимназии. Она понравилась "белому генералу", и они стали часто общаться, разговаривая даже на военные темы, которые интересовали Головкину. У Скобелева возникла идея женитьбы, но дело расстроилось из-за разных взглядов на совместную жизнь. Так что обрести настоящее семейное счастье Скобелеву так и не удалось: буквально через несколько дней после разрыва с Екатериной Александровной он неожиданно и таинственно умирает в Москве.

22 июня 1882 г. Скобелев, получив месячный отпуск, выехал из Минска в Москву, куда и приехал 24 числа. В Москве остановился в гостинице "Дюссо", где останавливался уже не раз. По его плану, он должен был выехать через 3 дня в свое рязанское родовое имение, чтобы отдохнуть там до "больших маневров"⁷¹. 25 июня Михаил Дмитриевич был на обеде, устроенном бароном Розеном по поводу получения им награды. Во время данного мероприятия у генерала было весьма мрачное и невеселое настроение. Наверное, в надежде поднять настроение он и отправился в ресторан "Англетер" или просто "Англия", находящуюся на углу Столешникова переулка и Петровки. Там он стал ужинать в компании "известной всей Москве кокетки Ванды", настоящее имя - Шарлотта Альтенроз (Элеонора, Анда, Роза). Эта особа, по некоторым данным приехавшая из Австро-Венгрии и разговаривавшая по-немецки, имела в своем распоряжении большой номер на нижнем этаже "Англии". Вечером Скобелев с дамой удалились в ее номер, откуда вскоре вышла Ванда и, прибежав к дворнику, сказала, что у нее в номере умер офицер. Покойника сразу узнали, и полиция перевезла его тело в его номер в "Дюссо". Полицейские отвергли версию об участии или соучастии Ванды в смерти генерала, но в Москве за ней моментально утвердилось прозвище "могила Скобелева".

Смерть Скобелева потрясла Москву. Даже Александр III, не особо любивший "белого генерала", направил его сестре Надежде Дмитриевне письмо со словами: "Страшно поражен и огорчен внезапной смертью вашего брата. Потеря для Русской армии трудно заменимая и, конечно, всеми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезных и преданных своему делу деятелей". В память о генерале буквально на второй день после его смерти корвет "Витязь" по повелению императора был переименован в "Скобелев".

Между тем стали известны результаты вскрытия тела Скобелева, которое производил прозектор Московского университета Нейдинг, констатировавший смерть от паралича сердца и легких. Известно, что "белый генерал" никогда не жаловался на сердце, хотя его врач О. Ф. Гейфльдер во время Туркестанского похода отмечал наличие у него признаков сердечной недостаточности. Однако в то же время многие отмечали нечеловеческую выносливость и работоспособность Скобелева, что

плохо вязалось с больным сердцем.

Вокруг так и неразрешенной смерти в гостинице существует огромное количество версий, легенд, слухов, простых предположений, включающих в себя и идею о самоубийстве. Постараемся сделать небольшое резюме этих

стр. 76

версий и выделить главные и наиболее обоснованные. В первую очередь, надо сразу разделить их на версии насильственной смерти и ненасильственной. Кроме того, необходимо обязательно упомянуть об оригинальной трактовке "гибели" М. Д. Скобелева, появившейся на страницах давно гонящегося за дешевой "клубничкой" журнала "Профиль". Данная версия, уже длительный период кочующая по сомнительным сайтам и работам из Средней Азии, где еще с советских времен занимаются очернением "белого генерала", преподнесена коллективом журнала, как эксклюзивная и сенсационная: "Обстоятельства дела, засекреченного в архивах, стали известны только сегодня. Бравый генерал был мазохистом. В ту роковую ночь он "снял" двух проституток (уже двух, хотя во всех источниках дается одна, но, похоже, им одной мало. - В. М.). Девушки по просьбе Скобелева били его плетьюми. Внезапно у генерала случился сердечный приступ, от которого он и умер"⁷².

Среди версий о ненасильственной смерти выделяются две: первая, официальная, то есть смерть наступила от паралича сердца и легких, и вторая, говорящая о том, что генерал "скончался от кровотечения из разорвавшегося венозного расширения в паху, которым страдал издавна"⁷³.

Версий же о насильственной смерти нашего героя было намного больше, из них три - наиболее известны. По первой считается, что генерал был отравлен в результате германских происков. Присутствие рядом с ним в последние часы "немки" только подкрепляло уверенность в достоверности вышесказанного. Данную версию горячо поддерживали и отдельные представители официальных кругов. Например, князь Н. Мещерский написал в 1887 г. К. П. Победоносцеву: "Со дня на день Германия могла наброситься на Францию, раздавить ее. Но вдруг благодаря смелому шагу Скобелева сказалась впервые общность интересов Франции и России, неожиданно для всех и к ужасу Бисмарка. Ни Россия, ни Франция не были уже изолированы. Скобелев пал жертвою своих убеждений, и русские люди в этом не сомневаются ...".

Многочисленные слухи приписывали агентуре Германии кражу из Спасского плана войны, разработанного полководцем. Верна ли эта точка зрения или нет - до сих пор не доказано. Но немецкая пресса не скрывала своей радости по поводу кончины генерала. Вот что в те дни писал "Биржевой листок Берлина": "Ну, и этот теперь нам больше не опасен, - генерала Скобелева нет более в живых! Личность, наполнившая Европу один момент своими геройскими подвигами и целые недели и даже месяцы своею сомнительною славою и своими зажигательными речами, исчезла, не успев натворить и мельчайшей доли того зла, о котором она мечтала. Пусть панслависты и русские шовинисты плачут у гроба Скобелева, что касается нас, немцев, то мы честно в этом сознаемся, что мы довольны тем, что смерть похитила рьяного врага, на обращение которого к лучшим чувствам никак нельзя было рассчитывать.

Никакого чувства сожаления мы не испытываем по поводу того, что нет более человека, для которого самый радостный день в жизни был бы тот, когда Германия лежала бы расprostертою на земле. Теперь в гостинице Дюссо, в Москве, лежит на смертном одре тот самый генерал, который с такой яростью отзывался о нашем отечестве, который с таким диким бешенством ненавидел нас, немцев. Вместе с ним ненависть русских к немцам, правда, не угаснет; но все-таки она утратила главного своего глашатая. Умер человек, который был действительно способен употребить все свои усилия к тому, чтобы применить слово к делу".

Сторонники другой версии считают, что Михаил Дмитриевич был отравлен бокалом вина, присланным ему из соседнего номера какой-то кутящей компанией, выпивавшей за здоровье генерала. По этому же предположению, руководящую роль в самом убийстве и в его организации падает на Александра III, якобы опасавшегося, что столь популярный в то время "белый генерал" может совершить дворцовый переворот и занять престол под именем Михаила III. Некоторые исследователи ссылаются якобы на сказанные председателем I Государственной Думы С. А. Муромцева слова о том, что в связи с радикальными выступлениями Скобелева был учрежден специ-

стр. 77

альный тайный суд под руководством великого князя Владимира Александровича, который большинством голосов (33 из 40) приговорил Михаила Дмитриевича к смерти. Считалось, что суд создали по инициативе "Священной дружины". Как отмечает А. Б. Шолохов, "Со "священной дружиной" у М. Д. Скобелева сложились весьма натянутые отношения. В свое время он отказался вступить в ее ряды, не скрывал отрицательного, даже презрительного отношения к этой организации. "Если бы я имел хотя бы одного офицера в моем корпусе, - говорил он, - который бы состоял бы членом тайного общества, то я тотчас удалил бы его со службы. Мы все приняли присягу на верность государю, и поэтому нет надобности вступать в тайное общество, в охрану""⁷⁴. Однако этого маловато, чтобы стать мишенью для такой организации.

По третьей версии, вина в гибели Скобелева падает вообще на масонов. Было известно о связях "белого генерала" с масонами французской ложи "Великий Восток". Не исключено, что под их непосредственным влиянием он и произнес свои антигерманские речи. А потом, вернувшись в Россию после поездки во Францию, он мог изменить свои взгляды. Известно, что, находясь в Париже, Скобелев близко сошелся с Леоном Гамбеттой, премьер-министром Франции и одним из руководителей "Великого Востока". В 1882 г. Гамбетте и его кабинету пришлось уйти в отставку, и спустя всего несколько месяцев после смерти Скобелева экс-премьер-министр погиб от случайного выстрела при чистке охотничьего ружья, по официальной версии. По другой версии он умер в результате заговора, орудием которого стала его любовница Леония Леон, являвшаяся то ли агентом Бисмарка, то ли помощницей оппозиционно настроенных к Гамбетте масонов⁷⁵. Вполне возможно, что масоны хотели убрать опального министра, который "был бельмом в глазу" для многих. Также вероятно, что двухчасовой разговор Александра III с "белым генералом" после возвращения последнего из Франции вызвал большую

тревогу в радикально настроенных масонских кругах. Тем более, что генерал вышел после аудиенции "веселым и довольным". В соответствии с данной версией, масоны и "ликвидировали" его, поспособствовав распространению других версий гибели.

Без сомнения, эти и другие доводы относятся к области недоказуемых, а тайна смерти одного из ярчайших российских военачальников до сих пор остается нераскрытой. Можно только надеяться, что она когда-нибудь будет разгадана или появятся открывающие завесу над этой тайной документы и материалы. Но, как справедливо заметил Масальский, "холостяцкие привычки, прежде всего, та легкость, с которой Скобелев шел на связи со случайными женщинами, были если не причиной, то предпосылкой рокового для нас ужина 25 июня"⁷⁶.

Вначале гроб с телом стоял в "Дюссо", а потом был перенесен для отпевания в церковь Трех Святителей у Красных ворот, заложенную еще Иваном Никитичем Скобелевым. Вот как описывает прощание москвичей с прахом М. Д. Скобелева московская "газета А. Гатцука": "По окончании отпевания гроб был поднят и вынесен из храма с высшими военными почестями при участии Их Императорских Высочеств. Военная музыка играла гимн "Коль славен". Впереди процессии офицеры несли многочисленные венки и подушки с орденами покойного, в том числе 3 георгиевских креста, орден св. Анны и Станислава 1-й степени. Из венков назовем: от академии генерального штаба с подписью: "герою Скобелеву, полководцу, Суворову равному... За гробом вели покрытую траурною попоною белую лошадь покойного, на которой он был в день штурма Геок-Тепе".

Чтобы понять то, что происходило в Москве в те дни, надо просто прочитать несколько строк: "Потеря необъятна. Со времени Суворова никто не пользовался такою любовью солдат и народа. Всего дороже было ему русское сердце - патриотом был в широко и глубоко объемлющем смысле слова. Кто его знал, кто читал его письма, тот не мог не подивиться проницательности его исторических и политических воззрений! Теперешнее народное

стр. 78

чувство сравнивают с чувством, объявившим Россию при утрате Скопина-Шуйского, тоже Михаила, тоже похищенного в молодых годах (даже в более молодых) и тоже унесшего с собою в гроб лучшую надежду отечества в смутную годину. Тот же образ, то же воспоминание, воскресшее у разных лиц по поводу того же события, это удивительное повторение не сговаривавшихся между собою, знаменательно: оно указывает, что в сущности оценка верна. Сила в том, что мы действительно переживаем второе смутное время, в своем новом, особом характерном виде, со своими особыми самозванцами всех сортов, со своими миллионами "воров" и "воришек", со своим новым, но столь же полным шатанием всего во всех сферах - и в сферах власти, и в сферах общества ..."⁷⁷.

В те дни газета "Московские ведомости" писала: "Скорбь, с которою проводили мы останки Скобелева, не походит на уныние... Нет, он не унес с собою наших надежд; подвигами своей кратковременной жизни он возбудил и возвысил наши надежды. Когда пробьет час великих дел, Скобелевы явятся на Руси. Русская история не

привыкла хранить людей про запас; из ее живых сил на новое дело появятся, Бог даст, новые деятели. Лишь бы Русь сохранилась Русью, лишь бы не ослабевал тот народный дух, который создал и возвеличил наше государство! Только этот дух и может создавать у нас великих людей, - и полководцев, и правителей, и этот дух жил в Скобелеве, и ему обязан Скобелев честью, которая провожает его в могилу". "Он займет вечное место в числе немногих вождей, как Румянцев, Потемкин, Суворов, Кутузов, изучая которых люди переделывают и перевоспитывают себя, почерпая в нравственных качествах этих вождей источник для духовного обновления и перерождения" ("Петербургские ведомости").

Михаил Дмитриевич Скобелев ушел из жизни в возрасте всего 39 лет. Он был похоронен рядом с родителями в своем родовом имении Спасском, находящемся в Рязанской губернии.

Первый памятник "белому генералу" появился уже через несколько лет после его ухода из жизни. Он был открыт 25 июля 1886 г. на территории военного лагеря в Троцком уезде Виленской губернии, ныне город Тракай в Литве, в виде чугунной колонны с орлом во главе и с надписью "Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, непобедимому вождю и незабвенному начальнику". В Минске в 1902 г. на доме Юхновича, где жил Скобелев, будучи командиром 4-го армейского корпуса, установлена мемориальная доска.

В 1911 г. были представлены широкой публике 2 бюста генерала - в Варшаве, поставленный гусарами Гродненского полка с надписью "Скобелеву - однополчане. 1864 - 1872", и в селе Уланове Черниговской губернии при Скобелевском инвалидном доме для нижних чинов⁷⁸. К сожалению, ни один из этих памятников не сохранился до наших дней.

После русско-турецкой войны Скобелев стал и национальным героем Болгарии, где тоже был воздвигнут ряд памятников "белому генералу". В Плевне, где Михаил Дмитриевич покрыл себя неуязвимой славой и был некоторое время губернатором, на большой площади сооружен храм-мавзолей. А в городском парке есть и бюст "белого генерала" работы скульптора А. Спасова⁷⁹. Был построен и великолепный храм-памятник под Шипкой, одна икона в котором оценивается в 1 млн. долларов. Отрадно, что большинство монументов и храмов, посвященных русским воинам в Болгарии, так и генералу Скобелеву, в частности, сохранились до сих пор.

24 июня 1912 г. на Тверской площади перед домом генерал-губернатора Москвы был установлен самый большой памятник генералу от инфантерии Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, на который жертвовала деньги вся Россия, а площадь стала называться Скобелевской. Для создания монумента был даже объявлен конкурс, победителем которого стал неизвестный широкой публике подполковник в отставке А. П. Самонов.

Но это произведение искусства, как и многие другие, простояло недолго, так как, согласно Декрету СНК "О снятии памятников царей и их слуг для выработке проектов памятников Российской социалистической революции",

1 мая 1918 г. памятник был снесен, а площадь переименована в Советскую. Такая же судьба постигла и название города Скобелев (так с 1907 г. назывался Новый Маргелан Ферганской области). В 1924 г. он получил название Фергана и ныне является областным центром Узбекистана.

Примечания

1. БУЛГАРИН Ф. В. Воспоминания об Иване Никитиче Скобелеве. - Московский журнал, 1993, N 9, с. 6; КУКЕЛЬ. Знаменитый русский герой М. Д. Скобелев. Рассказ, заимствованный из достоверных источников. М. 1908, с. 3.
2. КОСТИН Б. А. Скобелев. М. 1990, с. 5; МАСАЛЬСКИЙ В. Н. Скобелев. Исторический портрет. М. 1998, с. 5. Подробнее об этой и других версиях см.: Гербовед, N 34, 1999, с. 100 - 101.
3. ПОЛЯНСКИЙ М. И. Памяти М. Д. Скобелева. Вып. 1. Биографический очерк. СПб. 1908, с. 3 - 4.
4. БУЛГАРИН Ф. В. Ук. соч., с. 6 - 8; ДРОБЫШЕВ В. В. Суворову равный ... - Белый генерал. Сборник. М. 1991, с. 7.
5. КНОРРИНГ Н. Н. Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Исторический этюд. - Белый генерал, с. 17 - 20.
6. ПОЛЯНСКИЙ М. И. Ук. соч., с. 3.
7. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В. И. Скобелев. М. 1993, с. 9.
8. Памяти М. Д. Скобелева. Б.м. 1912, с. 5.
9. КНОРРИНГ Н. Н. Ук. соч., с. 21; НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В. И. Ук. соч., с. 10.
10. ПОЛЯНСКИЙ М. И. Ук. соч., с. 8.
11. КАЗНАЧЕЕВ И. В. Генерал-адъютант М. Д. Скобелев. Биографический очерк. Пг. 1916, с. 12.
12. ГЕЙСМАН П. Михаил Дмитриевич Скобелев. СПб. 1891, с. 6 - 7.
13. МОДЗАЛЕВСКИЙ Л. Н. Из педагогической автобиографии. СПб. 1897, с. 14.

14. КОНИ А. Ф. На жизненном пути. Т. 3. Ч. 1. Ревель-Берлин. 1922, с. 159 - 160, 165.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 409, оп. 2, д. 40335, л. 57об.
16. ПАНЧУЛИДЗЕВ С. А. История кавалергардов. Т. 4. СПб. 1908, с. 237.
17. КАЗНАЧЕЕВ И. В. Ук. соч., с. 13; ПАНЧУЛИДЗЕВ С. А. Ук. соч., с. 237. (Приводится справка из наградного листа о пожаловании М. Д. Скобелеву первой боевой награды, извлеченного из Общего архива Главного Штаба); РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 40335. л. 57об.
18. Цит по: КОСТИН Б. А. Ук. соч., с. 18.
19. ПОЛЯНСКИЙ М. И. Ук. соч., с. 23.
20. ФИЛИППОВ М. М. Скобелев. СПб. 1994, с. 365 - 366.
21. КНОРРИНГ Н. Н. Ук. соч., с. 24.
22. РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 40335. л. 57об.
23. ВЕРЕЩАГИН В. В. На войне в Азии и в Европе. М. 1898, с. 324 - 325, 326.
24. ПОЛЯНСКИЙ М. И. Ук. соч., с. 26 - 27.
25. МАСАЛЬСКИЙ В. Н. Ук. соч., с. 34 - 36.
26. МИЛЮТИН Д. А. Дневник. В 4-х тт. Т. 4. М. 1950, с. 143.
27. МАСАЛЬСКИЙ В. Н. Ук. соч., с. 37.
28. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В. И. Ук. соч., с. 12.
29. МИЛЮТИН Д. А. Ук. соч. Т. 4., с. 143.
30. КНОРРИНГ Н. Н. Ук. соч, с. 24, 27 - 28.
31. ГЛУЩЕНКО Е. А. Строители империй. М. 2000, с. 188 - 189.
32. КНОРРИНГ Н. Н. Ук. соч., с. 27 - 28.
33. Подробнее о трудностях, с которыми пришлось встретиться Скобелеву см.: ДУКМАСОВ П. Со Скобелевым во огне. СПб. 1895.

34. ФИЛИППОВ М. М. Ук. соч., с. 369 - 370.
35. Русский орел на Балканах: Русско-турецкая война 1877 - 1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания. М. 2001, с. 148.
36. КОСТИН Б. А. Ук. соч., с. 25 - 26.
37. КАЗНАЧЕЕВ И. В. Ук. соч., с. 20; НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В. И. Ук. соч., с. 269 - 277.
38. КИРИЛИН А. В. Боевые заслуги М. Д. Скобелева в Туркестане. - Военно-исторический журнал (ВИЖ). 2002, N 7, с. 42.
39. МАСАЛЬСКИЙ В. Н. Ук. соч., с. 53 - 54.
40. ВЕРЕЩАГИН В. В. Ук. соч., с. 354 - 355.
41. ВЕРЕЩАГИН В. В. Ук. соч., с. 320 - 330; КИРИЛИН А. В. Ук. соч., с. 42.

стр. 80

-
42. КОСТИН Б. А. Ук. соч., с. 28 - 29.
43. ВЕРЕЩАГИН В. В. Ук. соч., с. 330.
44. МАСАЛЬСКИЙ В. Н. Ук. соч., с. 57.
45. МИЛЮТИН Д. А. Ук. соч. Т. 2, с. 11, 16 - 18.
46. Там же, с. 23.
47. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В. И. Ук. соч., с. 14.
48. РГВИА, ф. 221, оп. 1, д. 6, л. 1 - 2об. Черновик.
49. МИЛЮТИН Д. А. Ук. соч., с. 143 - 144.
50. КНОРРИНГ Н. Н. Ук. соч., с. 74 - 75, 77.
51. КУКЕЛЬ. Ук. соч., с. 15.
52. Подробнее о действиях Скобелева во время русско-турецкой войны: ДУКМАСОВ П. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 - 1878 гг. и М. Д.

Скобелева. СПб. 1889; КУРОПАТКИН А. Н. Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877 - 1878 гг. В 2-х ч. СПб., 1885; ПАРЕНСОВ П. Д. Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба. В 4-х ч. СПб. 1904; СЕДЕЛЬНИКОВ Н. М. Русско-турецкая война 1877 - 78. М. 1879; Описание русско-турецкой войны. В 9-ти т. СПб. 1910.

53. КЕРСНОВСКИЙ А. А. История русской армии. В 4-х тт. М. 1993. Т. 2, с. 223 - 226.

54. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В. И. Ук. соч., с. 93.

55. КУКЕЛЬ. Ук. соч., с. 22 - 24.

56. КЕРСНОВСКИЙ А. А. Ук. соч., с. 242 - 244.

57. ФИЛИППОВ М. М. Ук. соч., с. 413 - 414.

58. Подробнее об этой командировке и полный текст отчета: АПУШКИН В. А. Скобелев о немцах. Пг. 1914.

59. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В. И. Ук. соч., с. 248 - 249.

60. ЛАНДА Р. Г. Ислам в истории России. М. 1995, с. 124; ШАЙКИН В. И. Генерал М. Д. Скобелев: "Наша сила именно в нашей малочисленности". - ВИЖ. 2002, N 2, с. 55.

61. ШАЙКИН В. И. Ук. соч., с. 55.

62. Подробнее о второй Ахал-Текинской экспедиции под руководством Скобелева: Ахал-текинская экспедиция 1880 - 1881 гг. Геок-тепинский бой. М. Д. Скобелев. Асхабад. 1904; ГРОДЕКОВ Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880 - 1881 гг. В 4-х т. СПб., 1883 - 85; КУРОПАТКИН А. Н. Завоевание Туркмении. СПб. 1899; МАСЛОВ А. Н. Завоевание Ахал-Теке. СПб. 1887; ЧАНЦЕВ И. А. Скобелев как полководец 1880 - 1881. СПб. 1883.

63. ЗОЛОТАРЕВ В. А., КОЗЛОВ И. А. Флотоводцы России. М. 1998, с. 339.

64. МАКАРОВ С. О. Документы. Т. 1. М. 1953, с. 272.

65. ГРАДОВСКИЙ Г. К. М. Д. Скобелев. Этюд по характеристике нашего времени и его героев. СПб. 1884, с. 94.

66. МАСАЛЬСКИЙ В. Н. Ук. соч., с. 183.

67. Генерал М. Д. Скобелев: "Мы не хозяева в собственном доме". - Источник, 1993,

№ 5 - 6, с. 58 - 59.

68. РГВИА, ф. 221, оп. 1, д. 8, л. 5. Черновик.

69. Генерал М. Д. Скобелев: "Мы не хозяева в собственном доме", с. 59.

70. КОСТИН Б. А. Ук. соч., с. 167.

71. ШОЛОХОВ А. Б. Судьба генерала Скобелева. - Вузовские вести. Октябрь, 1996, № 10, с. 12 (его же. Загадка гибели генерала Скобелева. М. 1992).

72. Профиль, 29 сентября 1997, № 35 (57).

73. КУКЕЛЬ. Ук. соч., с. 103.

74. ШОЛОХОВ А. Б. Ук. соч., с. 12.

75. ГИ БРЕТОН. Любовные истории в истории Франции. В 10-ти т. Т. 10. М. 1996, с. 229 - 265.

76. МАСАЛЬСКИЙ В. Н. Ук. соч., с. 399.

77. ШОЛОХОВ А. Б. Ук. соч., с. 12.

78. ЗАЙЦЕВ М. С. Судьба памятников "белому генералу". - Московский журнал, № 7, июль 2000, с. 41.

79. КОСТИН Б. А. Ук. соч., с. 142.